

M-821

Локва

731139

6

1958

И. П. Чехова

Моя подруга Лика

В 1956 году в Ялте на девяносто четвертом году жизни скончалась Мария Павловна Чехова, сестра писателя Антона Павловича Чехова. Она прожила редкую по долголетию жизнь и с молодых лет посвятила ее заботам о брате, а затем увековечению памяти великого русского писателя. При жизни Чехова она стремилась создать творческие условия для работы писателя, входила во все мелочи его быта, деловых отношений. В одном из писем Чехов писал: «Мария Павловна у нас главная, и без нее каша не варится. Я полагаюсь во всем на нее».

Марии Павловне адресованы четыреста тридцать четыре письма Чехова, и в них не только устройство быта, распоряжения по хозяйству... Чехов ценил суждения сестры о его произведениях, о постановках его пьес в театрах. Мария Павловна вместе с братом участвовала в его широкой общественной деятельности.

Воспоминания Марии Павловны Чеховой окончательно проясняют отношение Чехова к Лидии Стахиевне Мизиновой — Лике — и в особенности письма Лики Мизиновой из Парижа. Печальная история ее любви к писателю Потапенко запечатлена в пьесе «Чайка». Судьба Нины Заречной — это судьба Лики. У Мизиновой хватило решимости присутствовать на премьере «Чайки» — увидеть на сцене драматическую ситуацию, повторившую горестный эпизод ее жизни.

В 1953 году писатель Иван Бунин пытался осуществить свою давнюю мечту — создать литературный портрет Чехова, но не довел до конца свой последний труд: Бунин скончался 7 ноября 1953 года.

«Теперь, когда для меня многое выяснилось, — писал И. Бунин, — я понимаю, что никакого увлечения Ликой (Лидией Стахиевной Мизиновой) у Антона Павловича не было. Она была влюблена в него. Он это видел. Ему не нравился ее характер... А о том, что она была задета Чеховым, можно понять из ее письма, где она объясняет Чехову свое увлечение Потапенко: «А причина этому Вы...»

Этот эпизод, имеющий прямое отношение к сюжету пьесы «Чайка», и освещают воспоминания М. П. Чеховой и письма Мизиновой к ней.

Публикация подготовлена Н. А. Сысоевым.

Провожу я как-то урок в своем классе (я служила тогда учительницей в женской гимназии Ржевской) и слышу в соседней комнате голос какой-то новой учительницы:

— Медам, тсш!.. Медам, тсш!..

Фраза «Медам, тсш!», которой пользовались для того, чтобы навести в классе тишину, была характерна для тех, кто оканчивал институт благородных девиц. Выход из соседнего класса был через мою комнату, и после окончания урока я немного задержалась, чтобы взглянуть на новую учительницу. Вижу, идет совсем молоденькая, очень интересная девушка. Это была Лидия Стахиевна Мизинова — Лика, как ее позже звали в нашей семье.

Вскоре мы познакомились, а потом и подружились. Из гимназии, после уроков, мы обычно шли домой с Ликой вместе.

Лидия Стахиевна была необыкновенно красива. Правильные черты лица, чудесные серые глаза, пышные пепельные волосы и черные брови делали ее очаровательной. Ее красота была такой яркой, что на Лиду нередко заглядывались. Мои подруги не раз останавливали меня вопросом:

— Чехова, скажите, что за красавица была с вами?

Я ввела Лидию Стахиевну в наш дом и познакомила с братьями. Когда она в первый раз зачем-то зашла ко мне, произошел такой забавный эпизод. Мы жили в Москве, в доме Корнеева на Садовой-Кудринской. Войдя вместе с Ликой, я оставила ее в прихожей, а сама поднялась по лестнице в свою комнату, вверх. В это время младший брат Миша, спускаясь по лестнице в расположенный в первом этаже кабинет Антона Павловича, увидел Лиду. Лидия Стахиевна была

очень застенчивой. Она прижалась к вешалке и полузакрывает лицо воротником шубы. Но Михаил Павлович успел разглядеть девушку. Войдя в кабинет к брату, он сказал:

— Послушай, Антон, к Марье пришла такая хорошенькая! Стоит в прихожей...

— Гм... да? — произнес Антон Павлович, затем встал и пошел через прихожую наверх.

За ним снова поднялся Михаил Павлович. Побыв минутку наверху, Антон Павлович возвратился. Миша тоже вскоре спустился, потом поднялся. Оба брата повторяли этот маневр несколько раз, стараясь рассмотреть Лиду. Впоследствии Лида рассказывала мне, что в тот первый раз у нее создалось впечатление, что в нашей семье страшно много мужчин, которые все ходили вверх и вниз!

Вскоре веселая и очаровательная Лида стала постоянной гостьей в нашем доме, общим другом и любимицей всех, не исключая и родителей. Мои братья и все, кто бывал у нас, ухаживали за ней. Знакома Лиду с кем-нибудь, я обычно рекомендовала ее так:

— Подруга моя и моих братьев...

Антон Павлович действительно очень подружился с Лидой и по своему обыкновению называл ее различными шуточными именами: Жамэ, Мелитой, Канталупочкой, Мизюковой... Ему всегда было весело и приятно в обществе Лиды. На обычные шутки брата она всегда тоже отвечала шутками.

Летом 1891 года, когда мы жили на даче под г. Алексиним, сюда к нам приезжала погостить и Лида. Антон Павлович любил компанией гулять окрестными лесами и лугами. В этих местах рос хороший щавель, и мы сообща ходили собирать его. Антон Павлович придумал для Лиды особые обязанности: ей было поручено ходить с корзинкой и принимать у нас нарванные пучки щавеля. Только кто-нибудь наберет достаточный пучок травы, сразу зовут чудесную сборщицу.

Антон Павлович переписывался с Лидой. Его письма были полны остроумия и шуток. Он часто поддразнивал Лиду выдуманным им мифическим поклонником, называя его Трофимом, признавая это имя по-французски. И в письмах тоже писал: «...Бросьте курить и пить и не разговаривайте на улице. Если Вы умрете, то Трофим (Trofim) застрелится, а Прыщиков заболеет родимчиком...» Или же посылал ей такое письмо: «Трофим, если ты, сукин сын, не перестанешь ухаживать за Лидой, то я тебе...» Мне брат писал в таком же роде: «Поклон Лидии Егоровне Мизюковой. Скажи ей, чтобы она не ела мучного и избегала Левитана. Лучшего поклонника, как я, ей не найти ни в Думе¹, ни в высшем свете».

¹ Лида служила в то время в Московской городской думе.

Лида порой отвечала ему в серьезном тоне, сообщая, что она приняла предложение одного владельца винного завода, старичка семидесяти двух лет...

Когда мы жили в Мелихове, Лида бывала у нас постоянно. Мы так к ней привыкли, что даже наши родители считали, когда она долго не приезжала. В летнюю пору Лида жила у нас в Мелихове подолгу. С ее участием у нас происходили чудесные музыкальные вечера. Она недурно пела и одно время даже готовилась стать оперной певицей.

Между Лидой и Антоном Павловичем в конце концов сложились особые отношения. Они очень подружились, и похоже было, что увлеклись друг другом. Правда, тогда, да и долгое время спустя, я думала, что чувства больше было со стороны брата... Лида не откровенничала со мной об этом. Отношения Лиды и Антона Павловича раскрылись позднее, когда стали известны ее письма к Антону Павловичу.

В одном из писем к брату Лида писала:

«У нас с Вами отношения странные. Мне просто хочется Вас видеть, и я всегда первая делаю все, что могу. Вы же хотите, чтобы Вам было спокойно и хорошо и чтобы около Вас сидели и приезжали бы к Вам, а сами не делаете ни шагу ни для кого. Я уверена, что если я в течение года почему-либо не приеду к Вам, Вы не шевельнетесь сами позвонить со мной... Я буду бесконечно счастлива, когда, наконец, ко всему этому и к Вам смогу относиться вполне равнодушно».

Другие письма Лиды свидетельствуют о ее большой любви к Антону Павловичу и о страданиях, которые он волею или неволею причинял ей своим равнодушием: «Вы отлично знаете, как я отношусь к Вам, а потому я несколько не стыжусь и писать об этом. Знаю также и Ваше отношение или снисходительное, или полное игнорирования. Самое мое горячее желание — вылезти из этого ужасного состояния, в котором нахожусь, но это так трудно самой. Умоляю Вас, помогите мне, не зовите меня к себе, не выдайтесь со мной. Для Вас это не так важно, а мне, может быть, это и поможет Вас забыть».

Антон Павлович обычно обращал все это в шутку, и Лида продолжала по-прежнему бывать у нас. Не знаю, что было в душе брата, но мне кажется, что он стремился побороть свое чувство к Лиде, считая, видимо, женитьбу на ней невозможной. К тому же Лиду отличали чуждые ему бесхарактерность, бесцеремонность, склонность к быту богемы... И, может быть, то, что он писал ей однажды в шутку, впоследствии оказалось сказанным им всерьез: «...В Вас, Лида, сидит большой крокодил, и в сущности я хорошо делаю, что слушаюсь здравого смысла, а не сердца, которое Вы укусили».

В те годы у нас в Мелихове постоянным гостем бывал писатель Игнатий Николаевич Потапенко. Он познакомился с Антоном Павловичем в Одессе в 1889 году, когда брат был там проездом в Крым. Любопытно, что Потапенко тогда показался ему очень скучным человеком и был им даже назван «богом скуки». Затем они несколько лет не встречались, и лишь в начале 1893 года знакомство возобновилось. Летом этого года Потапенко впервые побывал у нас в Мелихове и произвел на Антона Павловича совсем иное впечатление. Потом они встречались в Москве, и это было началом близости.

«Одесский Потапенко и московский — это ворона и орел. Разница страшная. Он нравится мне все больше и больше», — писал о нем Антон Павлович в одном из писем. Вскоре между ними установились дружеские отношения, они перешли на «ты». Потапенко звал брата «Антонио», а тот его «Игнациусом».

Игнатий Николаевич отличался интересной внешностью, к тому же он был общительным и веселым человеком. В компании умел веселиться сам и развлекать других. Он был очень музыкален — окончил консерваторию по классу вокала и играл на скрипке. Его приезду в Мелихово мы всегда радовались.

Очень часто Потапенко и Лида гостили в одно и то же время. Тогда у нас было особенно весело — музыка, пение, танцы... Лида тоже пела. Романсы Чайковского, Глинки, русские народные песни всегда звучали в нашей гостиной. Часто исполнялась популярная в то время «Валахская легенда». Лида пела и аккомпанировала на рояле, Потапенко играл партию скрипки и пел. Эта музыкальная обстановка впоследствии была отображена братом в его известном рассказе «Черный монах».

Я и Лида очень подружились с Игнатием Николаевичем. Мы стали называть его «сестрами», перешли на «ты». Он был искренен и трогателен в своих отношениях с нами. И вот, как это нередко бывает в жизни, одна из «сестер», Лида, начала увлекаться Потапенко. Очень может быть, что вначале ей просто хотелось забыться и освободиться от своего мучительного безответного чувства к Антону Павловичу. Но у Потапенко была семья: жена и две дочери...

Лида и Потапенко стали встречаться и в Москве. Начался самый драматический этап в жизни Лиды — роман с Потапенко. Все это происходило у нас в Мелихове и в Москве в зиму 1893—1894 годов. В начале марта 1894 года Лида и Игнаша, как мы его звали, решили уехать в Париж. Сначала уехал он, а через несколько дней с большой грустью я проводила Лиду.

В первом же письме ко мне Лиды из Парижа (19 марта 1894 г.) появились невеселые нотки:

«Дорогая моя Маша. Вот уже четвертый день, как я в Париже, и четвертый день реву белугой! Я провожу время в поисках помещения, бегаю с утра до вечера, и потом, придя домой, начинаю реветь. Третьего дня послала Игнатию письмо post restante, как мы уговорились, и сегодня он был у меня, но ровно на полчаса. Пришел в 10½ и ушел в 11 часов. У него очень убитый вид — по-видимому, ему нельзя уходить одному из дома. Принес даже мне на сохранение все мои и твои письма и мой портрет — значит бедному плохо. Дней через пять они все уезжают в Италию на три месяца. Он говорил, что застал свою супругу совсем больной и думает, что у нее чахотка, а я так думаю, что притворяется опять!»

В общем, наше свидание было такое, что радости ни малейшей не принесло, а у меня оставило тяжелое впечатление, и настроение стало еще хуже... Грустно, грустно и грустно. Никогда я не чувствовала себя еще такой одинокой! Когда привыкну и когда начну дело — не знаю!

Напиши мне адрес Антона Павловича², я ему писала из Берлина в Ялту, но ведь он, верно, уже основался где-нибудь, и ты напиши поскорее. Когда я уезжала, мне казалось, что грустно расставаться только с людьми, а тут вдруг появилась тоска и по России. Вчера на улице вдруг услышала русскую фразу, и так приятно было!»³

Даже в то время, когда Лида была за границей, вместе с человеком, которого она полюбила, она не забывала Антона Павловича и в письме к нему в Ялту писала, что была «дважды отвергнута» им. Он опять полусухо ответил ей: «...Хотя Вы и пугаете в письме, что скоро умрете, хотя и дразните, что отвергнуты мной... я отлично знаю, что Вы не умрете и что никто Вас не отвергал».

Дальше происходит тривиальное и вместе с тем трагическое — Лида ждет ребенка, Потапенко ее оставляет. Лида переезжает из Парижа в Швейцарию. Свое положение и разрыв с Потапенко она от меня скрывает. Но Антону Павловичу в письме 20 сентября 1894 года она отчасти призналась:

«Видно уж мне суждено так, что люди, которых я люблю, в конце концов мною пренебрегают. Я очень, очень несчастна. Не смейтесь. От прежней Лиды не осталось и следа. И как я думаю, все-таки не могу не сказать, что всему виной Вы. Впрочем, такова видна судьба. Одно могу сказать, что я переживала минуты, которые никогда не думала переживать. Я одна, около меня нет ни одной души, которой я могла бы поведать все то, что я переживаю. Дай бог

² Лида приехала учиться пению.

³ Антон Павлович в это время уехал на месяц в Ялту.

⁴ Письма Л. С. Мизиновой публикуются впервые.

никому не испытать что-либо подобное. Все это темно, но я думаю, что Вам все ясно. Недаром Вы психолог. Мне кажется только, что еще несколько дней — и я больше не выдержу. Вам я верю и потому могу получить от Вас несколько строк. Может быть, по обыкновению, обругаете меня, назовете душой, но право же это лучше, чем ничего не отвечать».

Так Лика еще раз подчеркнула, что, в конечном счете, виновником ее несчастья она считает Антона Павловича. Брат в это время был в Ницце и оттуда в своем письме ко мне сделал такую приписку: «Потапенко (...) и свинья».

От меня Лика все это долго скрывала, пока, наконец, Потапенко не рассказал мне все сам и сообщил об этом Лике. После этого в начале февраля 1895 года я получила от нее из Парижа большое письмо с тяжелой исповедью.

В другой раз Лика писала мне: «У меня есть и будет одно только — это моя девочка. Она воплощение всего, что у меня в жизни было хорошего и светлого. И при этом — сознание, что все кончено, что все хорошее продолжалось только три месяца...»

Мне бесконечно жаль было Лике. К несчастью, утешение дочерью продолжалось недолго. Приехав впоследствии в Россию, Лика жила с матерью и воспитывала дочь. Но вскоре Христина — так звали девочку — заболела и умерла.

Я подробно рассказала об этом эпизоде из жизни Лидии Стахиевны Мизиновой потому, что он в дальнейшем послужил материалом для создания пьесы «Чайка». Роман Нины Заречной с Тригориным — это роман Лики с Потапенко. Те же события — Тригорин бросает с ребенком Нину, возвращается к Аркадиной. Причем теми чертами, которыми Антон Павлович наделил Аркадину, она напоминала Марию Андреевну, мало симпатичную жену Потапенко.

«Чайка» была написана осенью 1895 года, когда Лика уже вернулась из-за границы. Когда пьеса была прочитана близким знакомым, они не могли не обратить внимания на сходство сюжета пьесы с драмой Лики. Эти разговоры дошли и до нее, и она спросила в письме Антона Павловича: «...Говорят, что «Чайка» заимствована из моей жизни и что Вы хорошо отделали еще кого-то?»

Так же, как в свое время в «Попрыгунье», Антон Павлович и в «Чайке» создавал художественные образы и сюжетную канву произведения по тем жизненным наблюдениям, которые запечатлелись в его сознании. Толки в обществе о сходстве сюжета «Чайки» с историей Лики и Потапенко стали беспокоить брата, и в одном из писем к Суворину он писал, что если в пьесе «в самом деле похоже, что изображен Потапенко,

то, конечно, ставить и печатать ее нельзя». Но «Чайка» была все же поставлена, и Лика вместе со мной ездила в Петербург на первый неудачный спектакль в Александринском театре.

Позже, когда Лика после своего несчастья оправилась и окрепла, она снова стала постоянно бывать в Мелихове. Между ней и Антоном Павловичем опять установились дружеские шутливые отношения. Спектакли «Чайки» всегда волновали Лике. Спустя шесть лет после пережитой драмы я как-то взяла ее с собой в Художественный театр, сообщив затем брату: «...На твои именины я водила Лике на «Чайку». Она плакала в театре, вспоминая перед ней, должно быть, развернули свиток длинный...»

С мечтой Лики стать оперной певицей ничего не получилось. Осенью 1901 года Лика пыталась поступить в труппу Художественного театра, но артистических данных у нее не оказалось. Ее приняли в статистики, и она пробыла в театре только один сезон.

Чувство Лики к Антону Павловичу сохранилось навсегда. В 1898 году, когда Лика, будучи женой режиссера Художественного театра Александра Акимовича Шенберга-Санина, опять ездила в Париж, она прислала оттуда брату свою фотографию с такой надписью на обороте: «Дорогому Антону Павловичу на добрую память о воспоминании хороших отношений. Лика».

Будут ли дни мои ясны, улыбки,
Скоро ли сгину я, жизнь погубя,—
Знаю одно, что до самой могилы
Помысли, чувства и песни и силы
Все для тебя!!

(Чайковский-Апухтин)

Пусть эта надпись Вас скомпрометирует, я буду рада. Париж, 11-го октября 1898 г.

Я могла написать это восемь лет тому назад, а пишу сейчас и напишу через 10 лет.

Но через десять лет Лика не могла повторить эти слова... Антона Павловича уже не было в живых. Мне не забыть, как в Москве после похорон Антона Павловича Лика, вся в черном, пришла к нам и часа два молча простояла у окна, не отвечая нам... Все прошлое, пережитое, должно быть, стояло перед ее глазами.

В дальнейшем Лика с мужем жила в Париже. Перед Октябрьской революцией они вернулись в Россию. В последний раз я видела Лике в Москве в начале двадцатых годов. Вскоре она с мужем вновь уехала за границу, и на этот раз навсегда. С тех пор я потеряла с ней связь. Умерла она во Франции незадолго перед началом второй мировой войны в возрасте около семидесяти лет. Потапенко скончался в Москве в 1928 году.